

(Э)МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Михаил Шильман, Олег Перепелица¹

Abstract

The development of capitalism, the formation of a mass society, professionalization and specialization of knowledge have led to an increase in the number of universities, specialties and students. The consequence of this emission (proliferation) of the University has been renunciation of universal cultural mission of the University. Nowadays, the value of partial knowledge, professional education, commercial feasibility and pragmatism of applied science are dominating. The University has to respond to the challenges of the market with knowledge and education marketing. But the problems of the university have arisen from its essence – the idea of universitas (the totality, the unity of knowledge/reason/culture). Nowadays, it is necessary to rethink and to enlarge the notional scope of universitas, as well as to open new opportunities for conjugation of “education” and “science”, taking into account the crisis of nation-states and the growth of the world market. New opportunities should be thought over from within university institutions. We need a reconfiguration of professional education and basic researches to successfully promote the product on the labor market and to preserve the academic science. This suggests a new politics of the University and the retraining of the concept of ‘elitism’. The modern university is not obliged to start from the universality and unity, but must take responsibility for keeping the possibility to finish with the singularity and uniqueness.

Keywords: university, mission of the university, emission of the university, universitas, education.

Постановка проблемы: от миссии к эмиссии университета

Замысел, в соответствии с которым учреждался классический университет, отвечал высокой претензии Просвещения/модерна на организацию принципиально нового производства культурной/политической элиты общества. Таковой виделась миссия университета, которую наперебой излагали первейшие умы современной мысли. Речь, разумеется, не о том, чтобы университет поставлял государству государ-

¹ Михаил Шильман, кандидат философских наук, Олег Перепелица, доктор философских наук, – доценты кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Харьков, Украина).

ственных мужей, правителей или чиновников и уж тем более не неких профессионалов своего дела. Речь о формировании определенного типа человека. Пожалуй, классическое утверждение этой идеи мы находим у Дж. С. Милля: «Люди, посвящающие себя известной профессии, должны выносить из университета не профессиональное знание, но то знание, которое бы управляло употреблением их профессионального знания и которое бы светом общего образования освещало технические частности специального предмета занятий. Люди могут быть компетентными юристами без общего образования, но только общее образование может сделать их юристами-философами – которые хотят и которые способны уразумевать принципы, вместо того чтобы только загромождать свою память подробностями. И точно так же бывает во всех других полезных занятиях, включая и механические. Воспитание делает человека более умным сапожником, если он занимается сапожным ремеслом, но оно делает это не тем, что учит его шить сапоги; оно делает это тем умственным упражнением, которое оно дает, и привычками, какие оно сообщает»². Университет, таким образом, позволяет освоить искусство самоуправления в целом и, что принципиально, в соответствии с разумом. Но вследствие этого он становится и необходимой ступенью в иерархическом продвижении. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, «чтобы продвигаться в чашах жизни, необходимо быть образованным», необходимо знать топографию жизни, способы/методы жизни, т.е. необходимо иметь некое четкое представление о времени и пространстве, в которых человек живет, и, таким образом, входить в некую новую культуру³. Такая идеологема, в сущности, полагает университет как пространство трансляции и сотворения культуры. В этом смысле именно он становится тем институтом, который совершает прогрессивное продвижение разума, следствием которого является увеличение заданного Просвещением разрыва между культурой/цивилизацией и природой/варварством.

Безусловно, университет должен распространять эту культуру на все окружающее его пространство, и в этом смысле его миссия всеобщая. Однако нельзя сказать, что это предполагает помещение всех поголовно в его внутреннее пространство. Напротив, «царство разума» и «храм науки» возможны лишь в режиме обособления, подразумевающим соответствующую систему допуска. Отсюда – университет предполагает отбор тех немногих, которые становятся его питомцами. Так, В. Гумбольдт в своем программном тексте об отношениях государства и высших учебных заведений

² Дж. С. Милль: Речь об университетском воспитании, Пер. с англ. М.А. Антоновича // *Новейшее образование, его истинные цели и требования*, Санкт-Петербург: Русская книжная торговля 1867, 7.

³ Х. Ортега-и-Гассет: *Миссия университета*, Пер. с исп. М.Н. Голубевой, Минск: БГУ 2005, 32-34.

говорит о «немногих», склонных к познанию, и о «выборе людей, привлекаемых к научной деятельности»⁴.

С точки зрения разумной умеренности, такая логика выглядит вполне адекватной, но она, пожалуй, не (с)могла с упреждением учесть характер формирующегося в то время нового общества. Развитие капитализма, демографический рост, формирование массового общества, разделение труда и профессионализация (и, как следствие, рост престижа знания вообще) предрешили увеличение численности университетов, факультетов, специальностей. Самая элементарная статистика покажет прогрессирующий рост числа университетов и численности обучающихся в них студентов, что на поверхности выглядит как осуществление просвещенческой программы всеобщего знания. С другой стороны, обратно-пропорциональными кажутся неизменные сетования интеллектуалов на якобы постоянно наблюдаемое снижение «качества» знания и забвение миссии университета, который оказывается то ли в состоянии системного кризиса, то ли «в руинах» самой университетской системы.

Весь этот процесс по своему существу вполне может быть охарактеризован и проанализирован как эмиссия университета – эмиссия миссии университета. Эта эмиссия – прямое следствие вызовов капитализма – отодвигает на второй план окультуривающую и познавательную миссию университета, исходящую из логики всеобщего. Над университетом начинает преобладать логика частичного знания, профессионального образования, вместе с этим коммерческая целесообразность и прагматика начинают преобладать над академической, прикладные исследования – над фундаментальными и т.д. Университет, по сути, вынужден стать игроком на рынке, и первоочередной задачей его «самоутверждения» становится маркетинг. От университета требуется предлагать и продвигать на рынке свой продукт, которым все в меньшей степени становятся знания, в лучшем случае – новые (в соответствии с разделением труда) специальности, в худшем – просто дипломы. На задний план отступает та модерна «устойчивая тенденция видеть в Университете образец рационального, справедливого или национального сообщества, которое олицетворяет собой чистые узы социальности, основанные на бескорыстном служении идее»⁵. На переднем крае видятся университеты, модернизирующие себя согласно настояниям настоящего времени рыночного рыска, т.е. находящиеся в бесконечном поиске не столько знания, сколько эффективных ресурсов для своего воспроизводства.

⁴ К.В. фон Гумбольдт: О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине, Пер. с нем. С. Шамхаловой // *Неприкосновенный запас*, 2 (22) (2002), URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html>.

⁵ Б. Ридингс: *Университет в руинах*, Пер. с англ. А.М. Корбута, Москва: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики 2010, 282.

Нам бы не хотелось ставить вопрос в классическом старческом духе: как спасти доброе вечное? Мы также оставим в стороне очевидные факты давнего союзничества национального государства и университета – и не будем уповать на прямую зависимость благополучия государства от поддержки им университета. Вряд ли это что-то изменит в сложившейся ситуации. Наш интерес не преследует цели умножить статистические данные или дать оценку строящихся на их основании моделей, задаться вопросами о показателях или формах наблюдаемого явления. Куда важнее (а потому и реальнее) попытаться поставить вопрос о поиске пустот в современной системе мира, которые мог бы освоить университет, если он все еще способен отвечать утверждаемым им идеалам разума, научного познания, свободы и того, что Милль назвал философией. Наш вопрос скромней: возможна ли, так сказать, ремиссия охватившей миссию университета болезни эмиссии?

Разрывы *universitas*: от универсального/целого к специализированному/частичному

Идея и миссия классического университета укоренены в самом его названии – в *universitas*; университет олицетворяет целостность, единство, общность знания, разума, культуры, истины. В том или ином виде он подразумевает «удержание некоторой формы универсальности» (В. Куренной) и исповедует «принципы универсальной дисциплины», которые «наследуются через структуру университета вплоть до кантовского периода»⁶. И проблемы университета укоренены именно в этой его изначальной сущности. Они определяются целым набором разрывов заветного *universitas*, которые становятся следствием рыночного разделения труда, профессиональной спецификации знания, культурной индустрии, характера развития так называемой «галилеевской» науки.

В самом начале XX века Э. Гуссерль безапелляционно констатирует произошедшее «с установлением сверхвременной *universitas* точных наук» строгое разграничение – «отныне и во все времена» – практических идей образования и науки. Идея образования, которая должна «по самому своему принципу быть постепенно осуществленной в отдельной жизни» и «меняется вместе со временем», отделяется от идеи науки, которая «не ограничена никаким отношением к духу времени»⁷. В то же время обе эти идеи остаются связанными, т.е. продолжают предполагаться в некотором изначальном согласии, наследуемом из арсенала классической философии и воплощаемом, стало быть, посредством классического университета, в структуре которого философия отвечает за «вечное» и «универ-

⁶ А. Бикбов: Философское достоинство как объект исследования // *Логос*, 3-4 (43) (2004), 45.

⁷ Э. Гуссерль: Философия как строгая наука // *Избранные работы*, Сост. В.А. Куренной, Москва: Издательский дом «Территория будущего» 2005, 231.

сальное». Однако такого рода «согласованность в противоречии выражает силу некоего желания»⁸, в данном случае – желания сохранить то искомое единство науки и образования, без которого миссия университета рискует стать пустым звуком.

В то же время для теоретиков образования проблематичность такого «патриархального» единства стала слишком очевидной. Уже в 1921 году М. Шелер обратил внимание на «фундаментальное противоречие» современного университета, состоящее в том, что «под давлением обстоятельств он фактически перестал быть “universitas”, превратившись в сумму специальных высших школ». Это означало, что тезис Гуссерля о «сверхвременности» обнаруживает свою шаткость, однако университет при этом «не хочет быть специальной высшей школой, желая оставаться учреждением, где исследователи воспитывают исследователей»⁹. Предлагая свою реформу институций образования, отвечающую запросам времени, Шелер заявляет о необходимости преобразовать университет, избавившись от «нечистой совести», принимающей этот парадокс: «*Прежний университет* постепенно, со все большим сознанием дела преобразуется в институт преимущественно *профессионального и специального образования*»¹⁰, которое, будучи «практически ориентированным», «должно стать делом, намного более серьезным, дифференцированным и эксклюзивным, чем было до сих пор»¹¹.

В своем основании и посыле реформа Шелера уповает на все ту же миссию университета – нового производителя новой элиты – и с гумбольдтовской убедительностью обосновывает не только необходимость такого проекта, но и опасности его неосуществления. «Более или менее демократическому государству в центральном управленческом аппарате и структурах самоуправления требуются совершенно новые типы чиновников, они должны иметь высокую, практически ориентированную, отвечающую современным нуждам профессиональную квалификацию. Бюрократизация предпринимательства, банковского дела, промышленного производства, а также коммерческих предприятий, число которых, хотим мы того или нет, будет значительно возрастать, также требуют и более широкого профессионального образования, и его специализации»¹². Таково новое требование «социальной демократизации», оставляющее не у дел «созидателей духовных синтезов большого стиля» с их «образовательной задачей» университета. Если же это требование не будет удовлетворено – настаивает Шелер, – то пострадает прежде всего сам университет. Во-первых, востребованное «специальное и профессиональное обучение» «в обход и помимо уни-

⁸ Ж. Деррида: Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук, Пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина // *Письмо и различие*, Москва: Академический проект 2000, 446.

⁹ М. Шелер: Университет и народный университет, Пер. с нем. А. Малинкина // *Логос*, 6 (51) (2005), 66.

¹⁰ Там же, 74.

¹¹ Там же, 72.

¹² Там же.

верситета будет вынуждено прокладывать себе другие пути и искать другие места». Во-вторых, это приведет к «частичному истощению университета» «постоянно возникающими новыми видами и разновидностями, а также растущим числом этих заведений вне университета»¹³.

Нельзя не заметить, что предложение Шелера далеко от крайнего радикализма. С одной стороны, он никоим образом не посягает на традиционный статус университета как единого и бесспорного центра знания (то есть не предвосхищает той ситуации «децентрации знаний», которая, как отмечает Ж. Деррида, отличает современный университет от университета классического)¹⁴. С другой стороны, предлагаемое им качественное преобразование университета становится возможным в том случае, когда сама «универсальность» перестает мыслиться исключительно как нечто, предшествующее множественной специализации, и начинает пониматься как то, что удерживает дифференцированные профессии в институциональном единстве.

Отчасти вторя Шелеру, но куда как больше апеллируя к духу, несущему научность, и к универсальному характеру фундаментальных наук, К. Ясперс активизирует *universitas* в сходном ключе. Для него «изначальный смысл *universitas* как сообщества преподавателей и студентов так же важен, как и смысл единства всех наук»¹⁵, однако последнее приобретает особую значимость в свете тех изменений, которые в XX веке претерпевает университет. Ответствие своему сущностному названию Ясперс видит в том, что «познание и исследование существуют, даже если они развиваются только в профессиональной деятельности, но все же только как целое». Косвенно отсылающая к кантовской идее «всего существующего в настоящем поле учености» апология «целого» доводится Ясперсом до исчерпывающей формулировки: «Научная жизненность заключается в *отношении к целому*. Каждая отдельная наука существует в отношении к целому научного познания вообще», – именно поэтому «университет приходит в упадок, если становится агрегатом профессиональных школ»¹⁶.

Экспансия массового образования

Сегодня – когда «кризис», «истощение» и «упадок» университета давно стали былью, а пролонгации его «бытия к смерти» обсуждаются с особой интенсивностью, – можно отметить один общий момент дискуссий первой половины прошлого века. Уже в «модельном для последующих реформ университете Гумбольдта»

¹³ М. Шелер: Университет и народный университет, 72-73.

¹⁴ J. Derrida: *Eyes of the university: Right to philosophy 2*, Translated by Jan Plug and others. Stanford University Press 2004, 93.

¹⁵ К. Ясперс: *Идея университета*, Пер. с нем. Т. В. Тягуновой, Минск: БГУ 2006, 84.

¹⁶ Там же, 71.

(А. Бикбов) общее/философское образование противопоставляется образованию специальному; эта линия продлевается, тем не менее, поиском различных форм сохранения их единства – посредством «научной целостности», «согласованного разграничения», «централизованной дифференциации» и т.п. Подобный поиск, так или иначе, требует переосмысления *universitas* и расширения его смыслового объема; последнее означает как потребность в новых концептах «универсальности» в приложении к университету, так и в изобретении для него новых возможностей сопряжения «образования» и «науки». Разумеется, ни первое, ни второе не представляется возможным без учета актуальных обстоятельств в виду современного Университета – кризиса национального Государства и расцвета мирового Рынка.

Как показывает Деррида, «...в настоящем ни один опыт не может быть адекватен настоящей и преподаваемой в настоящем “учености”, *цельности* (курсив наш. – О.П., М.Ш.) всего изучаемого, всей преподаваемой теории...»¹⁷. Кроме того, свободное и практически неконтролируемое умножение самых разнообразных центров знания уверенно хоронит идею *единства* в сфере науки и образования. По свидетельству Ж. Бодрийяра, вот уже полвека как «власть (или то, что подменяет ее) больше не верит в Университет»¹⁸. Вследствие «износа определенного образа государства и нации» (Ж.-Л. Нанси) – над поддержанием чего трудился классический университет – в ходе глобализации экономики и культуры, дискуссии об идентичности университета и его будущем и участились, и обострились, и приобрели дополнительные ракурсы. Так, например, Б. Ридингс признает, что «...часть массового недовольства Университетом и модернистским договором между ним и национальным государством, которое в 1968 г. вылилось в революцию, сегодня приняло форму студенческой апатии...»¹⁹. И хотя «никогда не было борьбы против общества потребления» (Ж. Делез), не вызывает никакого сомнения тот факт, что сегодня университет уже перестал быть, по словам М. Квека, «партнером национального государства, поскольку это противоречит перспективе глобального потребления»²⁰. Однако при этом – на фоне дальнейшего сокращения бюджетов и сворачивания государственной поддержки – «на почве все большей неудовлетворенности общества публичной сферой в области высшего образования будут усиливаться тенденции к массовости и экспансии»²¹. Сам Квек полагает,

¹⁷ Ж. Деррида: Университет глазами его питомцев, Пер. с франц. С. Фокина // *Отечественные записки*, 6 (2003). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomcev>.

¹⁸ Ж. Бодрийяр: *Симулякры и симуляции*, Пер. с франц. А. Качалова, Москва: Издательский дом «ПОСТУМ» 2015, 198.

¹⁹ Ридингс, указ.соч., 216.

²⁰ М. Квек: Національна держава, глобалізація та Університет як модерний заклад, Пер. з англ. Р. Дубасевича // *Ідея університету*: Антологія, Відп. ред. М. Зубрицька, Львів: Літопис 2002, 275.

²¹ Там же, 277.

что, возможно, для сохранения университета необходимы новые идеи или, точнее, новая идея университета, которая – с оглядкой на прошлое – не была бы укоренена ни в нации (И.Г. Фихте), ни в государстве (В. Гумбольдт), ни в маршевом движении охваченных национальным духом адептов (М. Хайдеггер). В то же время требуется такая идея, которая не была бы и простым маркетинговым ходом – искусным неймингом, открывающей еще один сегмент рынка уловкой или трюком, позволяющим занять комфортную экономическую нишу.

Наиболее проблемным в данном случае представляется треугольник, в который замыкаются три элемента: «образование» – «массовость» – «экспансия». Его первая вершина (в терминологии Гуссерля) отвечает за структурное отношение к духу времени вообще; вторая (с оглядкой на Ортегу-и-Гассета и Ясперса) – маркирует явление, с которым сталкивался университет век тому назад; третья – указывает на «экономическую» специфику системы образования новейшего времени. Соответственно, сторонами в таком раскладе становятся «массовое образование» и «образовательная экспансия» – новообразования политического толка, противоречащие и модели университета как места рождения элиты, и традиционному смыслу университетского образования, и первоначальным интенциям просвещенческого проекта.

Как неопровержимый факт «период послевоенной экспансии высшего образования на Западе» фиксируется Ридингсом²²; у Ю. Хабермаса «экспансия образования после Второй мировой войны» котируется как «всемирное явление», с которого «начинается тенденция к расширению формального образования»²³. «Со временем, – отмечает Хабермас, – в фазе наибольшего ускорения, образовательная экспансия произвела на свет соответствующие идеологии»²⁴, которые придали совершенно иную форму спорам об идее университета, а точнее деформировали их и редуцировали до проблематики технократических реформ и технологических инноваций. В результате, как констатирует Деррида, на текущий день вследствие изменения самой структуры знания стало «совершенно невозможно провести в науке строгое различие между исследователями и техниками, равно как разграничить знание и власть...»²⁵. Место прежней ориентации на знания, которая полагала, говоря словами Ясперса, смысл университетского образования «...в том, что оно направлено на *отбор* (курсив наш. – О.П., М.Ш.) людей, обладающих необычными духовными способностями...»²⁶, по большей мере занимает всеядная образовательная политика, опе-

²² Ридингс, указ. соч., 18.

²³ Ю. Габермас: *Идея Университету – навчальні процеси*, Пер. з нім. Л. Нор // *Ідея університету*: Антологія, Відп. ред. М. Зубрицька, Львів: Літопис 2002, 190-191.

²⁴ Там же, 192.

²⁵ Derrida, op. cit., 93.

²⁶ Ясперс, указ. соч., 83.

кающая всех *без разбора*. Вкупе с гарантированным (пусть даже сугубо номинально) всеобщим правом на получение образования, эта по-новому практикуемая политика эгалитаризма служит, в самом широком смысле, одной из составляющих «биополитики». В несколько более узком смысле – с оглядкой на используемую ею социальную риторику и опору на массовость – она питает рынок образовательных услуг.

Как наглядно показывает Р. Коллинз, расхожее мнение о том, что образование дает возможность стать каждому обладателю оноgo частью элиты общества, выглядит сегодня чересчур наивно. (Иными словами, былая уверенность Ясперса в том, что «в той мере... в какой образование и наука несут с собой привилегии, к ним устремляется остальная масса людей»²⁷, себя более не оправдывает.) Современная система массового образования подразумевает прогрессирующую квалификационную инфляцию (она «подобна денежной инфляции» и «аналогична сектору финансовых спекуляций»), пределы которой «...становятся ощутимы, когда стоимость образования превышает отдачу от него для студентов или для общества...»²⁸. В условиях конкуренции и с оглядкой на рентабельность подобное массовое образование воспроизводит простую производственную логику, сталкиваясь с необходимостью расширения и/или перевооружения ради удешевления себестоимости «единицы продукции». В противном случае – при росте затрат, не дающих прямой экономической отдачи, – обнаруживается предел этой системы с неизбежным смещением ее задач в направлении различного рода социального субсидирования. Что, говоря словами Ж.-Ф. Лиотара, приводит к появлению в университете «неучтенных статистикой занятости безработных», то есть учащихся, чье число «избыточно по отношению к возможностям занятости по получаемой специальности»²⁹. Но, так или иначе, университет вынужден отвечать рынку: и посредством эмиссии специалистов, состояющихся на ниве трудоустройства, и комиссуя до поры тех, кто в ближайшем будущем окажется невостребованным.

При этом внутри самого университета, для тех, кто рискнул связать свою судьбу с наукой, возникает незавидная перспектива, которую А. Афонсо сравнил с судьбой дилера в наркокартеле, перспектива которого взобраться на вершину иерархии и стабильной успешной жизни весьма туманна. Современное академическое пространство, отмечает он, множит число «аутсайдеров», сужая круг инсайдеров. Вместе с этим «академические системы более или менее зависят от притока “аутсайдеров”, готовых отказаться от зарплат и стабильного трудоустройства в обмен на неопреде-

²⁷ Ясперс, указ.соч., 127.

²⁸ Р. Коллинз: *Массовое образование как жертва технологического развития* // URL: <http://polit.ru/article/2010/10/08/rk/>.

²⁹ Ж.-Ф. Лиотар: *Состояние постмодерна*, Пер. с франц. Н. А. Шматко, Москва: Институт экспериментальной социологии, Санкт-Петербург: Издательство «АЛЕТЕЙЯ» 1998, 120.

ленные перспективы защищенности, престижа, свободы и достаточно высокой оплаты, которую предполагает позиция в штате университета»³⁰. В такой ситуации ученый все больше напоминает не элитарную фигуру, а пролетария или подрядчика, который заключает договор и берется за временную работу, не получая никаких гарантий на вечность пребывания в сонме питомцев *alma mater*. Ни либеральный рынок, ни либерально-рыночное государство никак не нуждаются в подобных гарантиях, обеспечивающих знаменитую автономию университета.

Мембрана уникальности/единичности

А представляет ли сегодня пресловутая «автономия» на самом деле ту самую ценность *über alles* – с учетом рынка, на кредитно-финансовых принципах которого в отношении исследовательского университета осуществляется теперь «новая цензура» (Ж. Деррида)? Не продолжает ли служить соблазнительная борьба за «свободу университета» испытанным средством редукции любого недовольства до неудавшейся революции? Ведь, как утверждает А. Магун, в 1968 году «студенты не смогли предложить по-настоящему альтернативной политической программы... поскольку автономия университетов оставалась для них ценностью»³¹. Не пора ли (с предельной осторожностью, аккуратно, но конструктивно) передеднуть М. Хайдеггера в вопросе об «академической свободе» и предложить новую интерпретацию его максимы «дать закон самому себе есть высшая свобода»³² – не в понятиях связанности и службы, но в терминах «единичности» и «жертвы»? Наконец, не пришло ли время смириться с тем, что университет, который, по словам Хабермаса, от рождения был наделен «...такой силой всеохватности, которая уже заведомо была для этой институции очевидно завышенным требованием»³³, сегодня сталкивается с действительно всеохватывающей и все превосходящей силой рынка? В таком случае представляется необходимым продумывать *внутри* самой университетской институции новые возможности *universitas*, подразумевающей реконфигурацию профессионального образования и фундаментальных исследований – как для успешного продвижения своего продукта на рынке труда, так и для сохранения академического градуса на ниве науки. Это

³⁰ А. Афонсо: Чим академія нагадує наркокартель? Пер. з англ. М. Слуквіна // *СпільнеCommons*: Журнал соціальної критики, 2014, URL: <http://commons.com.ua/chim-akademiya-nagaduye-narkokartel/>.

³¹ А. Магун: *Не университеты должны стать корпорациями, а корпорации – частично превратиться в университеты* // URL: http://slon.ru/russia/ne_universitety_dolzhny_stat_korporაციями_a_korp-348756.xhtml.

³² М. Хайдеггер: Самоутверждение немецкого университета, Пер. с нем. В. Библина, примеч. Ф. Федье // *Историко-философский ежегодник*. 1994, Москва: Наука 1995, 302.

³³ Габермас, указ. соч., 194.

означает решимость повести новую политику университета с неизбежной переквалификацией понятия «элитарности».

Подобно тому как на волне секуляризации культура заменила религию, а впоследствии сама приобрела признаки религии, образованность в ходе своей экспансии конвертировалась в «элитарность». Однако массовое образование, усиленное массовой публичностью, – венец эгалитарной политики – стерло границу между невежественным народом и ученой публикой; «элитарное образование» в этом формате становится без малого оксюмором. На языке рынка «элитный» становится синонимом «дорогостоящего» – не суть важно, какого именно товара. В случае университета торгуемым и на рынке труда, и на рынке услуг товаром служит образование. Собственно, расширяющиеся поставки на рынок дипломированных специалистов и образовательных услуг – социальная очевидность настоящего времени, которая и вскрывает, и вуалирует значительно более существенную проблему. Речь идет о концептуальной «эмиссии университета», несущей угрозу и той научно-исследовательской элите, которая сама по себе непосредственно в торги не вступает, и тому разумному учреждению, которое отличает классический научно-исследовательский Университет от адаптированных к «духу времени» профессионально-образовательных университетов. Следовательно, перед Университетом, который не хочет окончательно испустить дух, вновь стоит задача отбора потенциальных ученых и отделения наукоучения от трудоустройства – но теперь уже не «на входе», а «на выходе». В нем должно возникнуть нечто наподобие мембраны, предохраняющей возможность собственно научного сообщества от данности потребительского общества.

Искомая «политика Университета» сегодня оказывается зажата между «политикой рынка» (маркетингом) и «политикой государства» (менеджментом). Положение осложняется тем, что мы, по существу, имеем дело с менеджментом маркетинга = маркетингом менеджмента, т.е. продвижением на рынке товара под названием «эффективное управление» = эффективное управление «продвижением товара». Звучащее гордо «университетское образование» как управление учебным процессом, поставляющим ученых управленцев, потребляется и торгуется, имеет цену и себестоимость, у него есть степень рентабельности и оно влияет на шанс трудоустройства. Подобное образование – это дозволенное образование «без жертв»: его получает любой финансируемый или кредитруемый, и оно не требует от своего «субъекта» никакой особенности, исключительности, избранности или уникальности. А настоящая наука требует жертв. И их надо приносить – тем, кто претендует на истину в силу своей единичности, а не на работу согласно своей квалификации. Истинная жертва – это, безусловно, свободный акт, жертвование своей жизнью, точнее – временем своей жизни и силами ради негарантированного. Собственно, свобода выбирать – получение профессионального образования в оптимальные сроки

или бессрочная растрата на науку – и должна быть предоставлена тому, кто переступает порог университета.

Предлагать готовые рецепты – дело неблагодарное; однако не исключено, что новая политика университета может использовать отчасти и его старую средневековую модель, поставленную «с головы на ноги». В качестве современных *artes liberales* могут выступать частные специальности, нормированные и приспособленные к массе студентов соответствующими курсами; они обеспечат профессиональную подготовку будущих дипломированных специалистов, отвечающих требованиям рынка труда. В своем «утилитарном единстве» они будут представлять уже не подготовительное, как ранее, а ординарное отделение университета, гарантирующее «законченное высшее образование» и не требующее образования общего. Достичь этого можно за счет включения в учебные планы (которые, как известно, «противоречат университетской идее» (Ясперс)) лишь специальных дисциплин и оставляя за бортом обязательного изучения «университетские излишки» – исследовательскую деятельность, философию, гуманитарные науки и т.п. Для тех же немногих студентов, которые вознамерятся посвятить себя науке, вступает в силу классическое, или экстраординарное, образование, имеющее своей целью выращивание ученых. Разумеется, подобное высшее образование «сверх законченного» не подразумевает социальных привилегий, не дает конкурентных преимуществ на общем рынке труда и не может гарантировать успешной научной карьеры. Конечно, финансирование подобного предприятия предполагает некий скрытый «налог на науку», закладываемый в стоимость массового университетского обучения. Но подобная вольная дифференциация студентов, распоряжающихся собственными ресурсами сообразно своим претензиям, амбициям, индивидуальным склонностям и планам на жизнь, должна, по нашему разумению, способствовать (вос)созданию научной элиты, чем и сдерживать эмиссию университета – хотя бы в области фундаментальных наук. Нельзя закрыть глаза на очевидности: капитализму нужны специалисты, государству – идентичности, науке – уникамы. А потому современный университет не обязан, как встарь, всякий раз начинать с всеобщности и универсальности, – но должен раз за разом брать на себя ответственность за сохранение самой возможности заканчивать единичностью и уникальностью.